

П. И. МУСЬЯКОВ

В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ *

ПИСАТЕЛИ В ГАЗЕТЕ «КРАСНЫЙ ЧЕРНОМорец»

Весною 1938 г. вызвали меня в Главное Политуправление Военно-Морского флота и предложили работать редактором газеты «Красный черноморец». Для слушателя Военно-политической академии им. В. И. Ленина это весьма лестное предложение. Но я согласился не сразу, попросив пару деньков на раздумья. Не уверен был, справлюсь ли. Я пока работал в газете только рядовым сотрудником, а тут прямо со школьной скамьи на пост ответственного редактора ежедневной газеты.

— А вы не бойтесь,— уговаривал меня работник отдела кадров.— Опыт практической работы в печати у вас уже солидный, да и сейчас редактируете многотиражку академии. Об этом мне сказал начальник морского факультета. К тому же и пишете вы неплохо. Недавно с удовольствием прочел в «Красной звезде» вашу критическую статью о журнале «Морской сборник». Раскритиковали вы ее убедительно, солидно, это большой плюс для слушателя морского факультета военно-политической академии.

Я попытался возразить, что критиковать всегда легче, чем самому работать. Но кадровик сразил меня одной фразой:

— «Красный черноморец» резко пошел под уклон. Редактор — в тюрьме, заместитель получил «строгача с предупреждением» и тоже, наверное, ждет своей участи. Поработал там немного Торик, но мы забрали его сюда помощником начальника ГлавПУ по комсомольской работе. Почти все работники редакции разогнаны со строгими партийными взысканиями. Честно говоря, там сейчас некому делать газету. Нужен не только редактор, но и крепкий аппарат редакции, а мы отсюда «подкинуть» пока никого не сможем. Придется пока находить кадры газетчиков там на месте, выдвигать наиболее способных военкоров. И вам это по плечу, вы прослужили на Черноморском флоте почти полтора десятка лет, многих военкоров знаете лично, и они вас знают. Да и само руководство флотом просит прислать именно вас. Надо выручать газету, стоит ли раздумывать даже двое суток. Я говорю с вами от имени партии. Если партия находит нужным, надо ехать и редактировать...

Согласился без раздумий и уже через час сидел в приемной начальника Главного Политического управления. Разговор с ним был почти формальным, и приказ о моем назначении издали в тот же день. Вместе

* Генерал-майор запаса П. И. Мусьяков был редактором газеты Черноморского флота «Красный черноморец» с 1938 г. до марта 1942 г., когда он был назначен редактором газеты «Красный флот». Публикуемые воспоминания написаны им для настоящего тома «Литературного наследства».

с выпиской из приказа в академию срочно прислали бумажку с требованием откомандировать немедленно. Начальник морского факультета вызвал меня и приказал:

— Все согласовано с руководством академии. Редактора многотиражки выделяют сегодня, газету сдадите ему вечером. Завтра день на хождение с «бегунком» и упаковку вещей. Послезавтра утренним поездом в Севастополь, семью забирайте сразу же. Билеты уже заказаны, машина для перевозки багажа выделена. Какие еще будут вопросы?

Вопросов у меня не было, и минутой спустя я уже мчался с «бегунком» — небольшой бумажкой, заполнение которой иногда затягивалось на целую неделю. Надо было собрать пятнадцать подписей разных начальников, удостоверяющих, что в их ведомствах никаких претензий ко мне не имеется.

Новый редактор многотиражки поздравил меня и многозначительно заметил: «Убойную должность» получили. Почти все редакторы окружных и флотских газет арестованы...»

...Весь процесс вступления в должность занял пять минут. Никаких приемо-сдаточных комиссий. Прямо с поезда в редакцию, звонок члену Военного Совета флота. Тот равнодушно поздравил с приездом и приказал: «Действуй, новый редактор». После долгой неприятной паузы добавил: «Если в чем-либо будет нужда, заходи, потолкуем». Но зайти так и не довелось — члена Военного Совета вскоре арестовали как «врага народа».

Действовать начал с первого же дня. Прочитав текущие материалы для набора, пошел к особистам. По своей наивности надеялся, что они мне расскажут, в чем же выразилась «вражеская» деятельность бывшего редактора Павла Федоровича Морозова. Мне даже в той обстановке казалось, что этот настоящий партийный журналист сознательным вредителем никак не мог быть. Видимо, совершил какой-то враждебный акт несознательно. Нам в академии неоднократно внушали, что вредительство может быть как сознательным, так и бессознательным, когда работник, сам того не сознавая, совершает враждебный акт.

Как и следовало ожидать, начальник особого отдела — а я пошел прямо к нему — отчитал меня за «непонимание обстановки» и заявил, что если я буду делать то, что творил мой предшественник, то... одним словом ясно. Правда, позже его сотрудник — наш [коренной черноморец, вместе матросами служили — доверительно сообщил мне, что, пожалуй, Морозову даже «трешку» не смогут натянуть.

— А за что же три года ему давать? — спросил я.

— Есть кое-что за ним: связь с врагами и опечатки в газете.

Я полусхотел заметить, что никто не застрахован от опечаток. «Если мои опечатки будете собирать, то можете и меня сажать сразу же».

Выпущенный из тюрьмы Морозов позже рассказал мне, что какой-то досужий «толкач» собрал за шесть лет его редакторства все опечатки, допущенные в «Красном черноморце», включая даже такие, которые были обнаружены самим же Морозовым и в тираж не попали. Подлец выбирал их из забракованных номеров, тщательно подклеивал в специальный альбомчик, разумеется со своими комментариями.

Аппарат редакции оказался действительно разогнанным. Надо было создавать его заново. А это не так-то просто в те годы, когда газетчиков не хватало. И все же за три года до войны журналистские кадры редакции были восстановлены почти до штатной нормы. Четверых молодых ребят — выпускников Ленинградского института журналистики — прислали из Москвы. Но основной костяк редакции «отпочковался» из военкоровского актива. Приходили к нам командиры, политработники, краснофлотцы. Конечно, они не сразу становились опытными журналистами, но жизнь

П. И. МУСЬЯКОВ (справа) НА
БОРТУ БОЕВОГО КОРАБЛЯ

Фотография.

Черноморский флот, 1941

Собрание П. И. Мусьякова
Москва

как-то учила, практика подсказывала пути роста и совершенствования.

Очень быстро вырос как журналист и писатель строевой командир Саша Баковиков, пришедший к нам с должности помощника командира крейсера «Коминтерн». Не совсем обычным был путь в газету старшего лейтенанта Владимира Апошанского — флагманского минера Батумской военно-морской базы. Володя вместе с Баковиковым окончил ускоренные курсы командиров флота. После курсов их пути разошлись: Баковиков стал артиллеристом, Апошанский — минером. Но в редакции их пути сходились на занятиях литературного объединения, слетах военкоров и на газетных полосах. Оба писали стихи и очерки.

Примерно года за полтора до войны Апошанского послали совершенствоваться на специальные курсы минеров, которые он окончил одним из первых. После курсов назначили флагманским минером Батумской базы. И вот тут и начались, как он говорил, «противоречия между лирикой и техникой». В небольшой Батумской базе, где тогда было совсем мало кораблей с минным и торпедным оружием, у Апошанского по вечерам оказывалось свободное время. Сидеть сложа руки он не умел и сразу же включился в литературную жизнь города. Ходил на занятия литературного объединения, выступал в газетах. Талантливого офицера-поэта стали приглашать в клубы города, в санатории и дома отдыха. Там он читал свои и чужие стихи. Его однажды похвалила местная газета. Это еще выше подняло авторитет Володи — не только талантливого поэта, но и веселого жизнерадостного человека, щедро наделенного душевной и физической красотой.

Возможно, частые выступления в клубах и санаториях в чем-то мешали службе минера. А всего вероятнее тут действовала самая обыкновенная зависть бездарных и сухих людей, которые наговорили командиру базы всякой чепухи, а тот оказался суховатым человеком, далеким от советской культуры. Кончилось все это обидным и, разумеется, неприятным разговором с командиром базы, который фактически запретил Апошанскому заниматься литературной деятельностью. Приказ командира — закон, и Володя даже перестал писать в нашу газету. Послали ему письмо, ответил совсем невразумительно, явно чего-то недоговаривал, похоже, что тяготился службой минера.

Вскоре все выяснилось. Член Военного Совета флота Н. М. Кулаков, рассматривая очередные аттестации на старших офицеров, обнаружил, что флагмин Апошанский не соответствует занимаемой должности. В графе: «основные недостатки» контр-адмирал Михалков написал: «Занимается литературной деятельностью в ущерб службе», хотя все предыдущие аттестации были прекрасными. Кулаков снял трубку и позвонил мне.

— Слушай, редактор, есть у нас один флагманский минер, которому литература мешает заниматься минным делом. Может быть, у вас в редакции этот минус станет плюсом, а?

Я сразу же понял, о ком идет речь, и очень обрадовался. О таком переводе в редакцию я только мечтал. До войны перевести строевого офицера в редакцию было очень трудно. А тут такое предложение. Сразу же было написано представление, и Военный Совет удовлетворил нашу просьбу, кстати, совпадавшую и с желанием самого Апошанского. Когда я поглядел в аттестацию, написанную Михалковым, то не выдержал и пошел к Кулакову. Явная несправедливость! Член Военного Совета, выслушав мою взволнованную речь, спокойно сказал:

— Михалкова ты знаешь не хуже меня. Согласен, он неправ в оценке Апошанского, но ведь теперь все стало на свое место. А оценку его мы не поддерживаем. Чего же тебе еще надо? Когда придет Апошанский, вероятно, с семьей, постарайся достать ему жилье, прикажи, чтобы зашел ко мне, я ему все объясню сам. Обижать такого парня не следует, а Михалков, конечно, его обидел...

С первых же дней войны вступил в действие новый, увеличенный штат редакции, и мы с нетерпением ждали, кого нам по мобплану пришлют из Москвы. На флоте подбирать журналистские кадры было уже почти невозможно, а требовалось более десяти человек.

...И вот они пришли, почти все очкастые, с кислыми физиономиями после обязательных для всех прививок. Стоят группой, такие угловатые в новом, непригнанном обмундировании. Все на них сидит неуклюже, особенно забавно выглядел поэт Лев Длигач — маленький, пузатенький интендант с одутловатым болезненным лицом и приветливыми глазами, кажущимися такими огромными сквозь большие стекла очков. Один из писателей, потряхивая седеющей «чеховской бородкой», не совсем военному доложил:

— Прибыли братья-писатели, старшина команды Василий Ряховский.

Начались взаимные приветствия, знакомства. Многих я и раньше встречал, а с Петром Гавриловым мы даже дружили. «Куда я вас, „братья-писатели“, дену, таких очкастых и неуклюжих?» — подумал я. Наверняка и оружия в руках никогда не держали, а журналисту на войне положено и стрелять, если потребует обстановка. Обстановка же требовала стрельбы и довольно часто. Об этом сообщали наши корреспонденты Апошанский и Земляченко, с первых же дней войны находившиеся в частях и на кораблях Дунайской флотилии, где в то время шли ожесточенные бои. Сами они,

Оборона Севастополя войдет в историю отечественной войны Советского Союза, как одна из самых ярких ее страниц

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОКУПАНТАМ!

Красный Черноморец

Ежедневная краснофлотская газета Черноморского флота
№ 185 (6822) 4 июля 1942 г., суббота Год издания XXIII

Беззаветное мужество, ярость в борьбе с врагом и самоотверженность защитников Севастополя вдохновляют советских патриотов на дальнейшие героические подвиги в борьбе против ненавистных оккупантов.

250 дней героической обороны Севастополя

Наши войска оставили Севастополь

По приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. В течение 250 дней героической советской город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последнюю 25 дней крепость осаждали и беспрерывно бомбили город с суши и с воздуха. Огражденные от сухопутных связей с тылом,

От Советского Информбюро

Из утреннего сообщения 3 июля

В течение ночи на 3 июля на Керченском и Таманском полуостровах наши войска вели бой с противником. На Севастопольском участке фронта продолжался бой на уровне города. На других участках фронта советские войска вели бой с противником. * * *

вторая часть нашей части. Гвардейная артиллерия истребила противника и отдала в плен около 700 солдат и офицеров противника. На других участках 2 июля также имели место ожесточенные бои. В 1500 часов дня Севастополь был взят. * * *

«КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ»

Газета Черноморского флота. 4 июля 1942 г., № 185

Страница первая (фрагмент). Номер, посвященный героической обороне Севастополя

по скромности, о многом умалчивали, но работник Политуправления флота Е. В. Щигельский, только что прибывший с берегов Дуная, рассказал, что Апошанский и Земляченко нередко ходят вместе с моряками в контратаки.

В беседе с писателями я выяснил, что кое-кто из них бывал на сборах офицеров запаса. Это уже хорошо. Стрелять умеют, а Василий Дмитриевич Ряховский участвовал в гражданской войне, да к тому же он охотник и рыбак. Рыбаками оказалось еще несколько человек. И это тоже очень важно на войне. Настоящий рыбак не боится превратностей погоды, вынослив, умеет применяться к местности, грести на шлюпке. Все это прикидываю в голове, мысленно распределяю кого куда направить. Однако все мои заметки поломались: писатели, оказывается, еще не были в Политуправлении, а там, мне уже было известно, планируют создать «оперативную группу» писателей, художников и композиторов при отделе пропаганды и агитации Политуправления флота. Распределять будут сами и, конечно, постараются забрать себе побольше и получше. А вот кто лучше, это еще война покажет. Но все же нам очень хотелось заполучить в редакцию людей, работавших в газетах. Особенно был бы ценен для редакции художник Федор Решетников — участник Челюскинской эпопеи. У него на груди орден за подвиги в суровом Заполярье.

Пошел в Политуправление отстаивать свои интересы. Но уже поздно: пока писатели и художники проходили в экипаже санобработку, кадровики всех распределили, направив к нам в редакцию совсем не тех, кого мы хотели. Распределение утвердил Н. М. Кулаков. Пошел к нему. Улыбнулся Николай Михайлович своими черными выпуклыми глазами на широком приветливом лице и заметил:

— Чего кипятиться? Все равно они будут работать на газету, особенно художники. Даже будучи редакторами многотиражек, а мы кое-кого из писателей назначили редакторами, они все равно станут писать вам в газету. Это неизбежно, если они настоящие литераторы.

Так потом и получилось. В течение всей обороны Севастополя писатели и художники, числившиеся в оперативной группе Политуправления,

почти целиком работали на нас. И это была очень большая помощь. Дело не только в том, что это были прозаики и поэты. Многие из них работали в московских газетах не только корреспондентами, но и сотрудниками секретариата, что для нас было особенно важно: наш секретариат и до войны был слабым местом. Поэтому, когда Георгия Николаевича Гайдовского перевели из оперативной группы к нам в редакцию, а здесь мы засадили его в секретариат, вся редакция почувствовала, что значит московский журналист, прошедший суровую школу газетной работы. Гайдовский любил четкость мысли и сурово требовал от всех журналистов не только достоверности фактов, но и простого, доходчивого языка. Бывало придет Андрей Сальников и жалуется:

— Товарищ редактор, оградите меня от нападок моего подчиненного (Сальников занимал штатную должность начальника отдела культуры, а Гайдовский по штатам числился в отделе культуры). Гайдовский опять забраковал мой очерк, требует переработать и сократить вдвое.

— Значит, хороший у тебя подчиненный, неси твой опус.

Сальников приносит, предварительно стерев пометки на полях, которые деликатно делал Гайдовский. Начинаем разбирать, Гайдовский прав, но упрямый и волевой Сальников пытается спорить. Тут уже «применяю власть», Сальников уступает и, сердито ворча, уходит.

Приходило сначала и другие с просьбой «оградить», но это длилось недолго. Видя мою поддержку Гайдовского, ребята совсем перестали жаловаться и пытались «утрясти» уже с ним самим. Но это было далеко не простым делом. Георгий Николаевич становился неумолим, когда речь шла о чистоте русского языка. Конечно, читатели от этого только выигравали.

В осажденном Севастополе работали до двух десятков писателей, прибывших по мобилизации, было немало и местных литераторов. Гайдовский был организатором и редактором сборников о героической обороне. Творческая дружба Гайдовского с литераторами флота помогла им создавать интересные произведения о защитниках города-героя. Двадцать лет спустя участники литературного объединения при флотской газете «Флаг Родины» вспоминают добрые советы писателя, хорошо помогавшего им как в годы войны, так и после нее...

Редактирование многотиражных газет соединений, а их в Севастополе только флотских выходило больше десятка, проходило не всегда гладко.

Во время тяжелых декабрьских боев за Севастополь к нам в редакционный подвал пришел батальонный комиссар Евгений Чернявский. Он был явно возбужден. Одна бровь на его добродушном лице нервно подергивалась, рука тоже дрожала, когда он здоровался со мной.

— Меня оскорбили, товарищ редактор, обидно и больно оскорбили!

Толком рассказать Чернявский ничего не смог, и только после разговора с комиссаром бригады, где он был редактором многотиражной газеты, я понял, что действительно неумные люди кровно обидели этого честного писателя-воина.

Восьмая бригада стояла на Северной стороне, куда наносили главный удар три фашистские дивизии, усиленные танками. Штаб бригады стоял в полуразрушенной деревеньке. Там же расположился и Евгений со своим немудрящим хозяйством. Для редакции и типографии отвели домик из двух комнат, привезли туда топливо, бумагу, расставили шрифты, верстальный стол, смонтировали печатную машину-американку с ручным приводом. Под началом у Чернявского были старшина — секретарь редакции, корректор, трое наборщиков, печатник, метранпаж, рассыльный и повозочный с лошадью и линейкой. На линейке подвозили бумагу, краску.

дрова и даже воду. Набирали при свете керосиновых ламп и свечей, печатали в полутьме. В редакции стояли заряженные винтовки, на подоконниках лежали гранаты и запалы к ним.

Каждый день рано утром рассыльный, нагруженный пачками газет, разносил их по батальонам. Газета была неказиста по оформлению, но очень жива, интересна по материалу. Все, что в ней печаталось, было отредактировано и переписано рукой самого редактора Чернявского. Секретарь редакции помогал верстать, корректировать полосы. Он же собирал сведения от военкоров и комиссаров частей. Газета печатала коротенькие заметки о героизме воинов бригады. Когда и где редактор и его сотрудники спали и ели, было не совсем ясно. Иногда Женя приходил к нам в «Красный черноморец», находил свободную койку, валился на нее и почти мгновенно засыпал.

В домишко редакции дважды попадали вражеские снаряды, но все пока обходилось благополучно. Небольшие контузии, разбросанные шрифты, дыра в стене и выбитые стекла — вот и весь урон.

Тираж газеты был определен соответствующим приказом. Примерно на троих бойцов — одна газета. Но начались ожесточенные бои, бригада понесла такие потери, что тираж стал превышать количество воинов, оставшихся в строю. Газета не могла успеть за событиями. Она писала, скажем, о подвиге бойца, а пока ее набирали и печатали, этот человек уже погибал смертью храбрых. Однажды утром Чернявский, побывав в политотделе и прочитав сводку за сутки боев, вернулся к себе в домишко, разбудил подчиненных и велел им построиться с оружием в руках. Девять человек встали на ветру и недоуменно смотрели воспаленными от бессонницы глазами на своего редактора. А тот, указывая на передовую, где слышались автоматная трескотня и глухие разрывы гранат, сказал:

— Наши читатели ведут тяжелые неравные бои на окраине соседней деревни. Каждый воин сейчас на счету, резервы придут не скоро, мы должны помочь своим читателям с оружием в руках. Идем в бой. В редакции оставим Машу, она будет принимать по телефону корреспонденции из батальонов. К вечеру вернемся и будем делать газету. Зарядить винтовки, взять побольше гранат и патронов!

...Маленький отряд по мокрому снегу, смешанному с грязью, пошел в бой. Маша позвонила в политотдел и доложила, что у нас, дескать, было собрание и редактор повел людей драться.

Начальник политотдела выругался и послал своего заместителя догнать отряд Чернявского и вернуть в редакцию. На поле, а потом в политотделе произошел неприятный разговор двух взволнованных людей. Евгений наругал, ему ответили тем же и заставили делать газету. На этом и закончился инцидент между полковым и батальонным комиссарами. Они оба были по-своему правы, и конфликт был улажен. Но один из работников штаба, узнав о попытке газетчиков дорваться до врага, поднял их на смех и свое пренебрежение к «писакам» высказал вслух в присутствии Чернявского. Вот это и оскорбило его до глубины души. Этому «штабному сухарю», как выразился Женя, он и нахамил. Командир бригады Вильшанский потребовал извиниться, а тот не выполнил приказа и пришел к нам посоветоваться, как ему быть.

— Поймите, товарищи, я человек штатский. Правда, воевал в гражданскую войну, но тогда все было проще, да и я был юношей. А тут смеются над чувством человека, который в тяжелой обстановке принял, видимо, не совсем правильное решение. Но они-то сами разве не ошибаются, принимают только правильные решения?

Чернявского мы кое-как успокоили. Пришлось доложить эту историю члену Военного Совета флота Н. М. Кулаков, выслушал меня, задумался и сказал:

— Конечно, писатель прав. Совершенно не поняли и не пытались понять его благородного порыва.

...После войны в случайной беседе с генералом Вильшанским — человеком культурным и деликатным — я напомнил ему этот севастопольский эпизод. Владимир Львович помрачнел, вздохнул тяжело и сказал:

— Возможно, так и происходило, но я плохо помню. Уж очень тяжело было нам в те дни. Бригада сгорела в неравных боях, а тут еще начальство выражает недовольство потерями. А я что могу сделать, если на одного моего бойца десять немцев наступают, да еще при поддержке танков и авиации. А мы, по-старому, как в песне поется, — штыком и гранатой... Нервы у нас крепкие были, но все же стали сдавать. Вот и погорячились тогда. А писатель Чернявский был хорошим, душевным человеком, его любили все моряки нашей бригады...

Когда в вестибюле московского Дома литераторов я вижу на почетной и скорбной доске среди фамилий погибших писателей имя Чернявского, сразу же вспоминаю то стылое декабрьское утро, когда возбужденный Евгений пришел к нам за советом... Погиб Чернявский в конце обороны Севастополя как воин, до конца оборонявший родной советский город.

Петр Павлович Гаврилов был очень интересным человеком. Мне довелось познакомиться с ним еще тогда, когда он, рослый и такой же, как всегда, тощий и неуклюжий краснофлотец-рулевой, вернулся из Владивостока в Европу. Во Владивосток Петя попал, пройдя четыре океана и больше десяти морей в качестве рулевого военного корабля «Воровский», который в июне 1924 г. вышел из Архангельска и через несколько месяцев пришвартовался во Владивостоке, обогнув Европу и Азию. Захлебываясь от восторга, Петя говорил:

— Поход был интересный, настоящий, морской, только штормов почти не было. Лето на всем пути курортное, только жарница надоедала. Мне то что — я рулевой на мостике, а вот кочегарам да машинистам... Особенно, когда прошли Суэцкий канал и вышли в Красное море. Еще по каналу шли, так из Аравийской пустыни пыхало, словно из горячей печки. Думали, на море будет полегче. Но вода в Красном море, как в чайнике, который недавно сняли с плиты. После вахты пойдешь под душ, а он — никакого освежения, только блески соли остаются на теле, словно серебряный панцирь. Но самое интересное в этом походе — это пребывание в Китае. Мы ходили в гости к Сун Ят-сену, и он у нас бывал на корабле. Хороший мужик, недаром его Ленин любил...

И стал Петр делиться своими литературными планами. «Хочу, — говорит, — книжечку написать о походе „Воровского“. Обязательно напишу и тебе подарю с самой теплой надписью».

Так рождался новый писатель. Книжку о походе, озаглавленную «По четырем океанам», он вскоре написал, но издал несколько лет спустя. До этого успел опубликовать несколько рассказов и повесть о подводниках. Рассказы понравились ребятам, и детское издательство привлекло его к авторству по военным и морским темам. Бывший рядовой матрос стал писателем-профессионалом. У Петра Гаврилова к этому времени уже был серьезный жизненный опыт. Он успел повоевать еще в годы гражданской войны, убежав на фронт 16-летним пареньком. Служба на флоте, куда он тоже пошел добровольно, по комсомольскому набору, в 1921 г., также была для него большой жизненной школой.

Петя Гаврилов всегда понимал, что писать надо только о том, что хорошо знаешь. И он каждый год приезжал на флоты, ходил в учебные походы, выступал перед читателями, помогал начинающим писателям-морякам. Результатом этих поездок на флоты были небольшие рассказы для детей и повесть «Егорка». Эта интересная книга еще до войны переиздава-

ГРУППА СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ»

Слева направо, в первом ряду: К. Г. Дорохов, Ф. П. Решетников и Л. В. Соифертис; во втором ряду: А. А. Луначарский, И. И. Ивич, И. Л. Фейнберг, Л. И. Лагин, С. А. Бондарин, Л. М. Длгаич

Фотография. Севастополь, июль 1941 г.

Собрание С. А. Бондарина, Москва

лась много раз. Ребятам младшего школьного возраста повесть особенно понравилась. Помню, уже во время войны Петр Павлович показывал мне письма — отклики ребят на «Егорку» — и очень гордился детскими благодарностями.

— Какое огромное удовлетворение для нас, писателей, имеют такие детские отклики на твой скромный труд. Сердце поет, и творить еще лучше хочется. А мы ведь в большом долгу перед ребятами. Мало мы писали для них о море и моряхах. Ребята — народ пытливый, флот любят и, естественно, тянутся к морской тематике. Спроси любого школьного библиотекаря, он подтвердит...

В конце 30-х годов, после глубокого изучения материалов и бесед с десятками людей, Петр Гаврилов выпустил книгу «Луганцы». В ней рассказано о том, как рабочие Луганска вместе со своим земляком Климом Ворошиловым боролись за новую жизнь.

...Когда после распределения в Политуправлении флота Петр пришел к нам в редакцию, то сразу же потребовал оружие.

— А стрелять-то, Петро, умеешь? — спросили мы.

— Конечно, умею, только вот попаду ли в цель, это еще вопрос. Думаю, что вы научите. Каюсь, оружия в руках не держал полтора десятка лет, я ведь совсем-совсем мирный человек...

Стрелять его научили быстро, даже в цель попадал, хотя очки ему здорово мешали.

— Понимаете, как трудно очкастому на войне. Надену очки — цель вижу хорошо, но мушку пистолета никак не разгляжу. Сниму очки, мушка видна, но цель расплывается, словно между мной и мишенью клубок серого дыма болтается. Но ничего, вчера попал тремя пулями из пяти в фигуру фашиста. Значит, есть и у меня стрелковый талант. А теперь, товарищ редактор, хочу на фронт, туда, где погорячее.

Горячо пока было на Дунайской флотилии, туда вместе с писателями Л. Лагиным и А. Луначарским и поехал Гаврилов. Воевал и писал. Мы сердились на него, что редко шлет свои корреспонденции, а Петя оправдывался тем, что он, во-первых, вообще пишет медленно, а, во-вторых, уж очень много героических дел творят моряки, о которых никак нельзя писать быстро и плохо.

Вместе с частями флотилии Гаврилов отступал вдоль берега до Одессы, а оттуда вернулся на крейсере в Севастополь «отписываться».

Писал он медленно и сам же печатал на машинке. Напечатает фразу, потом походит по комнате, пососет свою неизменную трубку и одним пальцем отстукивает новую.

Вскоре фронт передвинулся к Севастополю, и уже не было нужды ехать туда, «где жарко». Жарко было совсем близко, на переднем крае, где морские пехотинцы и воины Приморской армии отражали бешеные атаки врага; жарко — на кораблях, отбивавших многочисленные налеты фашистской авиации. Не было прохладно и в самой нашей редакции, которая на планах-картах фашистских летчиков была помечена как «объект № 1» для бомбежки, наравне с кораблями, батареями и штабами.

Однажды пришел ко мне Гайдовский и говорит:

— У Гаврилова кровь сегодня горлом шла, а он скрывает: боится, что вы пошлете его на Кавказ в резервную редакцию.

К зиме, когда газета стала выходить вдвое меньшим форматом, а фронт стал совсем близко — до окопов переднего края из редакции можно было пойти пешком за полтора-два часа, — людей в редакционном коллективе требовалось уже гораздо меньше, и начальник Политуправления флота приказал организовать в Сочи резервную редакцию, укомплектовать ее сильными журналистами.

— Мало ли что может быть, — говорил дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко, — «капнет» немец тяжелой бомбой в редакционное здание и останется от вас — газетчиков — одна только добрая память. А газета все равно должна выходить без перерыва. Поэтому мое приказание — закон. Раздели редакционный коллектив примерно надвое и пошли половину в Сочи.

Я сказал: «Есть», повернулся и вышел из-под бетона на улицу. А на улице — темень, пробиваемая далекими отблесками фашистских ракет, которые медленно падали на парашютиках по всей линии фронта. Временами над городом раздавался знакомый звук летящего снаряда, затем багровая вспышка фиксировала место разрыва. Немцы вели так называемый «беспокоящий огонь», рассчитанный больше всего на трепку нервов.

Шел по длинной лестнице, что зигзагами вела от бухты к закамуфлированному зданию редакции, и думал: кого же я пошлю в эту «сочинскую половину». Первым пришел на память Гаврилов. Раз кровь горлом пошла, значит серьезную контузию получил, или легочная болезнь обострилась. Питание у нас неважное, помещение холодное и сырое, а работает он много. В таких условиях со здоровьем не шутят, пошлю-ка я Гаврилова на Кавказ, — пусть отдохнет, полечится, подкормится. Пусть сделает там книжечку рассказов — это тоже полезное дело.

Первым в редакции начал разговор с Петром Павловичем. Вот он сидит у стола, лицо худшее, под глубоко запавшими глазами синие круги. Молча слушает мои разъяснения о необходимости создания второй редакции в Сочи и сердито посасывает трубку.

— Товарищ бригадный комиссар, худшей обиды для меня нельзя было придумать?

— Обиды? Да вы, Петр Павлович, понимаете, что приказы начальников положено выполнять даже в мирное время, а ведь мы в осажденном Севастополе.

— Я всё понимаю, кроме одного, — почему именно меня вы хотите отправить в тыл? Разве я плохо работаю?

— Нет, работаете хорошо, но в редакционном дубле на Кавказе тоже нужны хорошие журналисты. Кроме того, у вас со здоровьем неважно... Поработаете там в спокойной обстановке.

— А я принесу справку от Миши Зеликова (начальник санслужбы, наш активный военкор), что я совершенно здоров. Да какое имеет значение мое здоровье в обстановке, когда смерть от огня противника вышибает ежедневно десятки, а подчас и сотни человек. Да я не вынесу такого морального угнетения и на Кавказе хуже заболую... Кстати, есть в редакции и еще люди со слабым здоровьем, Гайдовский, например...

Спорил, спорил со мной, а потом совершенно неожиданно заплакал. Плакал он, правда, недолго, но так расстроил меня, что пришлось его отъезд на неопределенное время отложить. О чем я сразу же и сказал. Петр быстро взял себя в руки и пошел в редакционный подвал отстукивать на машинке свой очередной материал из частей морской пехоты, откуда он только что пришел, промесив километров десять по жирной крымской грязи.

Через некоторое время, успокоенный и притихший, пришел ко мне со снимками советских людей, расстрелянных в Керченском противотанковом рву.

— Вот, смотрите, товарищ комиссар, дети расстреляны вместе с родителями. Возьмите лупу, станет виднее. Один парнишка, как обнял мертвую мать ручонками, так и застыл, пронизанный пулями фашистских зверей. Другой, постарше, прижат рукою матери. Этот, видать, умер раньше ее. А там вдали еще дети, много детей разных возрастов. Есть там, комиссар, и мои читатели, наверняка есть...

Крупная слеза расплылась на глянце фотографии и медленно, медленно поползла по наклону...

— А вы меня на Кавказ...

На Кавказ он ушел из Севастополя одним из последних, вместе с редакцией «Красного черноморца» в июне 1942 г., когда разрушенный город доживал последние дни.

Корреспонденции Петра всегда отличались лаконичностью, точностью и простотой. Он не любил длинных, «заковыристых» предложений, видимо, сказывалась привычка писать для детей. Много работал над корреспонденциями военкоров, приводя их в «удобочитаемый» вид. Были и такие случаи, когда, прочтя суховатую заметку военкора, Петр шел в часть и там вместе с автором «доводил ее до уровня». Простая заметка вырастала в содержательный очерк с такими художественными деталями, которые были явно не под силу иному не очень грамотному военкору. Подпись стояла военкора, хотя от первоначального варианта уже почти ничего не осталось.

Однажды Петр возвратился сильно расстроенным. Молча выкурил трубку и стал отстукивать на машинке корреспонденцию о гибели самого военкора. На войне бывало и так...

Среди прибывших из Москвы литераторов был и молодой человек по фамилии Луначарский. Когда, после представления и первого знакомства с прибывшими москвичами, я спросил Г. Н. Гайдовского о Луначарском, тот подтвердил: да, это родной сын Анатолия Васильевича Луначарского.

Работать вместе с Анатолием Анатольевичем нам пришлось недолго, но и за это время он показал себя интересным, общительным товарищем, со своими, подчас своеобразными взглядами на жизнь. Беседы с ним оставляли большое впечатление. Он в детстве ходил в гости к Ленину и Круп-

ской, они его любили, хвалили за отметки в школе. Много интересного он рассказывал о своем отце — выдающемся ораторе и публицисте, партийном и государственном деятеле.

Но вот пришел приказ начальства — срочно откомандировать Луначарского в распоряжение штаба флота. Оказывается, прибыли английские специалисты по минному делу, им срочно нужен переводчик, хорошо знающий английский язык. Анатолий же владел им в совершенстве. Его откомандировали, поручение важное: магнитные мины для нас — дело новое, а для англичан борьба с ними — уже в какой-то мере пройденный этап. Может быть, совместная работа с англичанами и принесет пользу общему делу. Но увы, приходит в редакцию Луначарский и говорит:

«Сдается мне, что эти минные специалисты больше понимают толк в рашен вудкя да в женщинах, чем в минном деле. Водку пьют исправно, пытаются даже пощупать девушек из ресторана, но те действуют по-военному — прямо в морду. Хотя ты и союзник, но раз лапаешь руками, получай полностью, как у нас в России в таких случаях полагается. Гордые бритты очень довольны водкой и в большой обиде на наших русских девушек. Я им разъясняю, как могу, но они в России недавно и с характерами советских женщин еще не знакомы. Советую им руками воли не давать. Обижаются, предлагают мне поговорить с девушками, чтобы они были податливей. Обещают щедрые подарки в любых денежных знаках, или натурой... Иногда и мне так хочется дать им по рожке, что даже за руку себя хватаю, чтобы не соблазниться. Уж очень эти „доблестные союзники“ нахально себя ведут, — возмущенно рассказывал Луначарский.

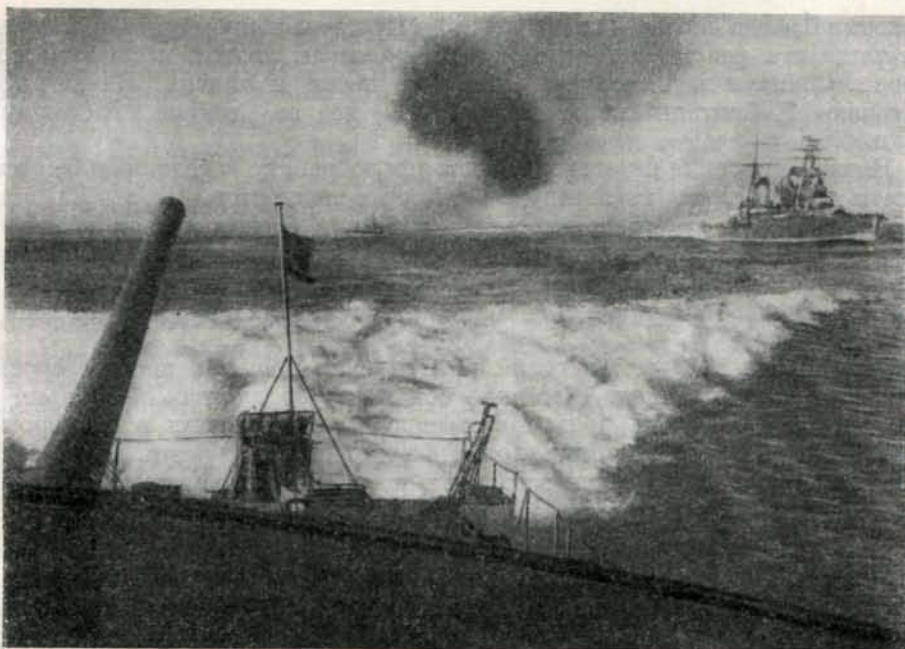
В минном деле я понимаю мало, но одно для меня ясно — „союзники“ что-то темнят. Или они, действительно, ни черта не смыслят в немецких магнитных минах, или понимают, но не хотят рассказать нашим минерам, которым приходится своими жизнями расплачиваться за их „союзническую скрытность“. Странные они люди, — возмущается Луначарский. — Для них война — это прежде всего материальная выгода. Много раз спрашивают меня, не придется ли им расплачиваться за водку, которой их угощают моряки Охраны водного района. Интересуются, где достать дорогие сувениры — золото, бриллианты. Зачем-то ищут старинные иконы, татарские ковры и халаты. Очень удивлены, что с наступлением войны прекратила свою деятельность базарная толкучка, на которой раньше, по их мнению, можно было достать любую старинную русскую икону или татарский халат „из гардероба крымского хана Шан-Гирея“. Упорно повторяют, что в Севастополе у кого-то из жителей сохранились такие халаты.

Работать с ними — для меня каторга. Неприятные люди...

Похлопочите, товарищ комиссар, перед начальством, чтобы меня назначили к вам. Очень уж тошно работать с такими союзниками, у вас я больше принесу пользы, чем в Охране водного района».

Конечно, у нас он был бы нужнее, это я отлично и сам понимал. Его рассказ «Корова», напечатанный нами, широко использовался на вечерах краснофлотской художественной самодеятельности, многократно читался по местному радиовещанию. Луначарский рассказал, как моряки-дунайцы сбили фашистский разведывательный гидросамолет, прозванный ими «коровой». Этот большой и неуклюжий самолет появлялся из камышей неожиданно и, сделав съемку, сразу же поднимался на такую высоту, куда не доставал огонь пулеметов и малокалиберных зенитных орудий. А крупных зенитных орудий у моряков не было, и экипаж «коровы» действовал безнаказанно.

Однажды старшина разведгруппы предложил ночью сходить на шлюпке в тыл противника, затаиться до рассвета, а когда «корова» полетит на малой высоте, «чесануть» по ней из пулемета зажигательными пулями.

КОРАБЛИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ВЕДУТ ОГОНЬ ПО ПРОТИВНИКУ

Фотография А. С. Соколенко, 1942

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

Самолет был старый, деревянный, с небронированными бензобаками. Старшина уверял, что он всадит весь диск «дегтяря» в пузо порядком уже надоевшей «корове». Командир разведчиков медлил с решением. А если старшина промажет с первой очереди? Пулеметы самолета сразу же обрушатся на одинокую шлюпку, и тогда всему ее маленькому экипажу верная смерть. Да и выбираться из камышей сквозь фашистские зашлоны — дело весьма трудное: расстреляют, как на учении. Но старшина и разведчики уговорили командира: разрешил опасную охоту за «коровой».

Обмотав уключины паклей, разведчики ночью пробрались узкой протокой в тыл противника и затаились в густых зарослях камыша, растущего в дельте Дуная. Утром, как обычно, «корова» шла на облет позиций. Летела привычным курсом на малой высоте и оказалась прямехонько над шлюпкой разведчиков. Те так «чесанули» зажигательными, что «корова» очень быстро запылала. Летчики попытались подняться выше, но уже было поздно. Горящие баки взорвались, и «корова» кучей обломков свалилась в камыши. Советские моряки кричали: «ура» и «браво», фашисты с руганью бросились искать разведчиков, но где их обнаружишь в камышовом море. Они опять затаились, а ночью благополучно догребли до своих, не понеся никаких потерь.

Рассказал об этом боевом эпизоде Анатолий тепло, с хорошим юмором и добрым матросским жаргоном. Отсюда и успех рассказа. Вот почему я сразу же пошел «хлопотать», но начальство еще долго не соглашалось, ссылаясь на то, что англичане им очень довольны. Они-де называют его хорошим собеседником, знающим историю и литературу Великобритании лучше, чем они сами...

Только к началу 1942 г. Анатолий Анатольевич вернулся на корреспондентскую работу, но увы, не к нам, а в многотиражку бригады морской

пехоты. Правда, печатался он у нас в «Красном черноморце» сравнительно часто и в разных жанрах: очерки, рассказы, стихи, частушки, поговорки. Сочинял и песни для ансамбля песни и пляски. Начал писать историю 7 бригады морской пехоты, но ее вскоре расформировали.

Позже он все же перешел на постоянную работу в редакцию флотской газеты и был одним из передовых ее корреспондентов. Не любил сидеть в редакции, все просился на фронт. Работа в боевых частях обогащала его героическим материалом, но в то же время и мешала выполнению задуманных творческих планов. А планы у него были большие. Он задумал роман о моряках и армейцах, готовил пьесу, но времени не хватало.

В сентябре 1943 г. Анатолий Анатольевич пошел с первым броском десанта в Новороссийск. Жесткие бои за город длились несколько суток. Молодой писатель дрался как рядовой воин, метал в гитлеровцев гранаты, стрелял из карабина, ходил в рукопашные схватки. Дважды был ранен, мог уйти на мотоботе в лазарет, но после перевязки опять пошел в бой и погиб...

Художник Федор Решетников, наш остряк, назвал редакционный полуподвал «бомбоубоищем». Поселились мы в нем, когда немцы стали чаще бомбить и обстреливать Севастополь. Считалось, что в подвале все же безопаснее: над головами три потолка и толстый слой шпала на чердаке. Конечно, полутонная бомба наверняка пробил бы все наши перекрытия и разорвалась именно в подвале. Но «сотка» могла разорваться на втором этаже типографии, пол первого этажа (бетонный) мог вполне выдержать удар взрывной волны и мы, сидящие в этом «бомбоубоище», могли совсем не пострадать даже при прямом попадании.

Стенка полуподвала была такой толстой, что ее не пробивали снаряды даже тяжелых калибров. А оконные проемы мы заложили мешками с песком. Правда, потом от близкого разрыва тяжелой бомбы взрывная волна все мешки втолкнула в редакцию, и пришлось начинать все сначала. Но, тем не менее, мешки все же предохраняли хотя бы от осколков снарядов и бомб.

До войны полуподвал был красным уголком и буфетом издательства. Тут небольшая сцена, скамейки, столы и буфетная стойка. Столы остались, буфет тоже, а скамейки и декорации вынесли. На сцене за занавесом поставили кровати для женщин, в центре установили двухъярусные койки для мужчин. Тут спали, работали, ели, спорили по литературным и другим вопросам, проигрывали пластинки и даже «забывали козла». Эта, так «затюканная» сейчас, игра иногда давала разрядку натруженной за день голове, и мы терпеливо относились даже к дробному стуку и задорным выкрикам «секи ему голову!»

Позже, когда кончились два первых штурма и малость потеплело, учредили столовую, две спальни на втором этаже, и в подвале стало потише. Но в ноябре — декабре 1941 и январе — феврале 1942 работали и жили в «бомбоубоище».

Правда, с одной спальней получился казус. Снесли туда койки, застелили, подобрали кое-какую мебель. После завтрака писатели и журналисты уже собирались носить туда свои вещи. Но только сели за стол, как прилетел снаряд крупного калибра и угодил именно в эту комнату. В ней, к счастью, никого не было. Разорвись снаряд на четверть часа раньше, пострадало бы не менее десятка человек.

Подвал был для нас своеобразным клубом, в котором мы нередко спорили на литературные темы. Спорили на редакционных летучках, а то и

«просто так», вечером, когда было свободное время. Особенно разгорались споры после получения московских газет, которые приходили к нам с очень большим опозданием. Первый день занимались читкой газет и журналов, «проглатывая» все интересное, что печаталось в московских изданиях. Для писателей было интересно прочесть написанное собратьями по перу, для нас, журналистов, было важно не только содержание, но и форма подачи центральными газетами фронтовых материалов.

Ознакомившись со свежими газетами, начинали разбор, сравнивая с тем, что даем мы. Конечно, при этом немало и ругали друг друга. Многие героические примеры мы подавали, прямо скажем, плохо, обычно скатываясь к фактографии, без анализа и публицистических рассуждений. Большую зарядку дал нам Б. Горбатов своими «Письмами товарищу». Мы долго обсуждали это волнующее произведение, идейное воздействие которого на сознание людей трудно сравнить с чем-либо.

Обсуждали небольшой очерк «Неизвестный моряк» Э. Виленского, «Черную тучу» Л. Соболева, ленинградские рассказы Н. Тихонова, «Таню» П. Лидова, «Москва за нами» Е. Петрова, «Декабрь под Москвой» В. Кожевникова. Очень нравились нам публицистические очерки Ильи Эренбурга.

Вместе с газетами обычно приносили пачки писем от родных и знакомых. Военная почта, прямо скажем, работала не всегда гладко. А не получив от родных письма, писатели тосковали. Это чувствовалось по настроениям. Вот загрустил наш «бородач» Ряховский. Пытаюсь выяснить, почему. Василий Дмитриевич помолчал, потом с грустью ответил:

— Третью почту получаю без писем от сына. Он у меня танкист, с первых дней на фронте...

Тяжело переживал задержку писем А. А. Луначарский. Он ждал приезда на Кавказ беременной жены, а поезда подвергались бомбежкам. И какова была его тревожная радость, когда из Сочи, наконец, пришло письмо со словами: «Доехала благополучно».

... Письма, родные письма, сколько они радости приносили на фронт.

Тут же в полуподвале обсуждали тематику и содержание будущих сборников о героях Севастополя. Собирателем материалов был Г. Н. Гайдковский, ему помогали критик Игнат Ивич, поэт П. Панченко, прозаик С. Бондарин. Конечно, многое зависело и от нашей, мягко говоря, слабоватой полиграфической базы. Большие сборники выпускать было физически невозможно, поэтому издавали их размером поменьше, но чаще. Каждый очередной сборничек подвергался строгому разбору.

После того как эвакуировались из Севастополя в Сочи, редакторы газеты — С. С. Зенушкин, а за ним А. В. Плеско — стали выпускать сборники уже значительно лучше, используя для этого не только сочинскую типографию, но и типографии других городов черноморского побережья Кавказа.

В наше «бомбоубоище» не раз заходили писатели и поэты, прибывшие из Москвы в Севастополь в качестве корреспондентов других газет. Приходил советоваться и читал свои стихи А. А. Жаров. В какой-то мере здесь закладывались основы его «Севастопольского камня».

После соленой купели, в которой погиб шедший в Севастополь писатель Григорий Нилов, прибыли в полуподвал простуженные и мокрые Ряховский и Фазин. Ряховский возвращался с Кавказа, а Фазин, работавший тогда в морском пропагандистском журнале литературным сотрудником, шел на транспорте «Чапаев» в осажденный Севастополь для организации материала.

Зиновий Исакович Фазин позже рассказывал, как они тонули, как их подобрал катер, уже полуживых, судорожно державшихся за какой-то обломок. По его мнению, Григорий Нилов был раздавлен какой-либо

крупной деталью, сорванной взрывом с палубы «Чапаева». В. Д. Ряховский уже после войны в беседе со мной, вспоминая эти страшные часы, говорил:

— Самое тяжелое, что наиболее врезалось в память, это вопль погибающих лошадей, которых мы везли в Севастополь. В предраусветных сумерках, сквозь густую пелену несущегося снега я вижу, как медленно уходит под воду наш пароход, слышу, как Фазин зовет меня отплывать подальше, чтобы не затянуло в воронку. И мы работаем руками и ногами, чтобы отплыть подальше от этого страшного места. Оба мы измазаны нефтью, оба дрожим и хватаемся за деревянный брус, отброшенный взрывом в сторону... А до берега нам не доплыть — семь-восемь километров. И сейчас стоит в ушах предсмертный стон двух сотен лошадей, накрепко привязанных к специальным станкам, сделанным для них на палубе транспорта...

З. И. Фазин говорил, что сторожевой катер, пришедший к месту гибели, подобрал только 40 человек из команды и пассажиров. Остальные погибли. На базе катеров спасенных писателей отмыли от нефти, дали немного спирта и отправили на машине в редакцию. Тут вызвали врача, переодели в сухое обмундирование, накормили, угостили водкой и уложили спать. После такой передряги писатели немного похворали и принялись за работу. Но час в зимнем море стоил все же дорого обоим. Ранний уход из жизни В. Д. Ряховского был, конечно, связан с трагедией, разгравшейся февральским утром на траверзе мыса Херсонес. Не может похвалиться крепким здоровьем и З. И. Фазин.

Сюда, в редакционный полуподвал, приносили композиторы Ю. Слонов, К. Листов, В. Макаров свои песни о Севастополе и проигрывали на нашем расстроенном пианино. Мы обсуждали музыку и текст, нередко спорили о песнях, не всегда были правы в их оценке, но все же помогали композиторам и поэтам находить наиболее верный тон.

Бывали тут писатели Сергей Алымов, Евгений Юнга, Евгений Петров, Леонид Соболев. Почти всю войну проработал во флотской газете Петр Сажин. Здесь, в Севастополе, и прежде всего во флотской газете, раскрывалось недюжинное дарование краснофлота-разведчика Григория Поженяна. Да, много интересных людей бывало в нашем полуподвале.

Большая сила — писатели в газете. Они не только писали очерки о героях. Мы их широко использовали и для создания пропагандистских материалов. Многие наши статьи пропагандистского плана под опытной рукой писателя совершенно меняли свое лицо, становились ярче и доходчивее. Большим успехом у воинов Севастополя пользовались наши коротенькие памятки, которые мы давали под общим заголовком «Помни, боец!» Тематика памяток была довольно широка: береги оружие, будь бдителен, поддерживай товарища в бою, охраняй своего командира, свято выполняй присягу и т. д. В окопах и землянках «памятки» читали вслух, с последующим обсуждением, вырезали из газеты и наклеивали на стенки. Авторами этих ударных памяток-листочков были главным образом писатели — Ряховский, Ивич, Гайдовский, Гаврилов, Явич, Панченко, Длигач. Мы не торопили авторов, давали возможность подумать, посоветоваться. Очень часто писатели собирались в кружок и обсуждали первый вариант памятки. После обсуждения дорабатывали и приносили мне или моему заместителю Степану Зенушкину. Но и после наших замечаний авторы опять сидели по несколько часов. В результате получался содержательный текст, простой и ясный, доходчивый до любого читателя. Слово «любого» у нас, в Севастополе, имело особый смысл. Здесь в составе гарнизона было много воинов, слабо владевших русским языком. Приходилось учитывать и такого читателя.

«ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ»

Сборник стихов и очерков писателей—
участников обороны Севастополя.
Составитель Г. Н. Гайдовский. Издание
Политуправления Черноморского
флота, 1942

Обложка. Рисунок М. Н. Молодцова
Собрание В. А. Рудного, Москва

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ ЧЕРНОМОРЦЕВВыпуск 7^е

ИЗДАНИЕ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА
1942г.

Вот несколько абзацев из «Помни, боец!» от 3 ноября 1941 года.

«... Сильное оружие дала тебе Родина, и миллионы братьев, клявшихся в том же, в чем ты клялся, бьются теперь рука об руку с тобой, помогают тебе отразить нападение врага, разгромить его. Над тобой реют красноразветные самолеты. Они несут смерть врагу. Кругом стоят мощные батареи. Они несут смерть врагу. Гордые корабли Черноморского флота несут смерть врагу. Смерть врагу несешь и ты.

Родина идет с тобой на врага, могучая и несокрушимая. Она дала тебе оружие и взяла с тебя клятву — быть мужественным.

Помни, боец, что ты воин Красного флота, прославившего себя великими боевыми подвигами. Помни, что братья твои, советские моряки, никогда не жалели крови своей и самой жизни для счастья Родины и поэтому всегда побеждали.

Помни, боец! Ты клялся защищать Родину с достоинством и честью. Твое достоинство требует, чтобы враг был остановлен на его кровавом пути...»

Разговор в «памятке» шел о присяге. Но в нем есть довольно ясный подтекст о силе и мощи нашего оружия. Почему так выпирает именно эта мысль? Авторы «памятки» получили специальное задание подчеркнуть силу и мощь нашего оружия. Положение у нас с оружием в то время было очень плохим. Это знали немцы и в миллионах своих листовок, разбираемых и над Севастополем, истошно кричали, что у вас, русских, даже

винтовок не хватает, с чем же вы хотите победить армию великой Германии. Мы, дескать, безраздельно господствуем в воздухе, наши танки давят вашу пехоту, а у вас и танков уже нет... Листовки, как правило, начинались схемой, где черная линия фронта уже уперлась в Москву, Ленинград, Воронеж, Ростов... Враг явно рассчитывал на подавление морального духа советских воинов.

В первых числах ноября положение под Севастополем тоже было очень сложным для нас. Врагу удалось отрезать Приморскую армию от Севастополя, вынудив ее к отступлению на Южный берег Крыма, откуда она вышла в Севастополь только 6—7 ноября. А пока город защищали батальоны морской пехоты, береговые батареи, авиация и немногие корабли. Почти весь флот командование отправило на Кавказ, ожидая масштабного удара фашистской авиации по кораблям эскадры. Рано утром 1 ноября такой удар, действительно, был нанесен, но за несколько часов до этого линкор, крейсера, лидеры, эсминцы, тральщики снялись с якорей и ушли в Новороссийск. Опустели бухты, и это тоже могло отрицательно повлиять на небольшой гарнизон, защищавший город. Враги (а они были в городе) и обыватели стали распускать провокационные слухи, что город обречен, что если целых две армии не смогли удержать врага на Перекопе, то что мы можем сделать с такой силищей, да еще без поддержки эскадры. У врагов танки — у нас их нет совсем. Враг усиленно бомбит город, а наших самолетов почти не видно...

Нужно было короткое, ударное выступление в газете, но не прямо разоблачающее вражеские слухи о слабости наших сил, а косвенно. Вот и была избрана тема о присяге. Она была важна сама по себе, а в сочетании с пропагандой веры в свои силы — тем более. «Памятку» надо было написать срочно, поэтому ее делало сразу несколько писателей. И получилось хорошо. Она дошла до читателей. Об этом нам звонили многие комиссары частей. Авторы «памятки», возможно, и не подозревали, какое важное задание выполнили они для осажденного гарнизона.

Многие наши передовые статьи тоже были созданы писателями. А передовая статья в газете тогда играла особенно важную роль. Радиопередачи почти никто не слушал, центральные газеты приходили нередко через месяц после выхода. Бойцы и командиры, естественно, тянулись, прежде всего, к своей флотской газете, дающей общеполитическую линию, пропагандирующей героические подвиги и боевой опыт. Мы печатали не только сводки Советского информбюро, но и много других центральных материалов. Однако из-за недостатка места мы могли помещать не все московские материалы, передаваемые по радио для республиканских и областных газет. С 9 ноября наш формат уменьшился вдвое. Поэтому многие общеполитические материалы, не пошедшие в газете, мы широко использовали в наших передовых статьях. Это, несомненно, чувствовали политработники гарнизона и всегда горячо поддерживали наши передовые и редакционные статьи. Их, как правило, низовые агитаторы использовали для громких чтоток и бесед с бойцами.

В Севастополе мы почти каждый день давали юмористический отдел «Рында». Рында — судовой колокол. До войны мы тревожно «звонили в рынду» о лодырях, неряхах, бюрократах, нарушителях формы флотской одежды, ворishках из военторга. «Звонили» мы редко — раз в неделю. А на войне — почти ежедневно. В чем тут дело? Юмор на войне понадобился в еще больших размерах. Да и сил прибавилось для такого отдела.

...Первые месяцы войны. Тяжелое время. Каждый день две сводки Совинформбюро и в обеих недобрые вести. Все больше и больше оставляем врагу родной советской земли. Дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко после совещания задержал меня и говорит:

«РЫНДА»

Сатирический отдел газеты
«Красный черноморец»,
18 октября 1941 г., № 346.
Карикатура Ф. П. Решетникова,
текст Л. М. Длигача

— Юмора у вас в газете мало, сатира беззубая. А ведь есть кого критиковать и разоблачать. Ненависть к врагу можно воспитывать не только пропагандистскими статьями, но и юмором...

Совет начальника Политуправления флота я воспринял как директиву и на очередной редакционной летучке поставил задачу: дать побольше юмора. Посыпались предложения:

- «Рынду» давать не раз в неделю, а хотя бы через день.
- Завести как систему международный фельетон.
- Почаще комментировать фашистские радиопередачи.

Начальник отдела боевой подготовки капитан-лейтенант Баковиков предложил печатать с продолжением «Новые похождения храброго солдата Швейка». Оказывается, он уже подготовил первые две главы. Тут же их прочитал, получил несколько замечаний, и мы решили печатать.

Правда, были кое у кого и сомнения. Ярослав Гашек писал своего Швейка в определенной обстановке, с определенной задачей. У нас же совсем иная цель. А может быть, мы «нашим Швейком» станем оскорблять национальное достоинство чехов? И еще кое-какие возражения были, но мы решили пренебречь ими.

Начали печатать, не докладывая начальству. Не дай бог, оно усумнится, тогда пропадет хорошая затея.

В первых двух главах немцы призывают Швейка в армию. У него куча болезней, но врач воинского присутствия тычет в грудь Швейку и говорит: «Годен». Швейк в роте. Так же, как и у Гашека, он задает ядовито-глуповатые вопросы фашистскому офицеру. Несколько остро сатирических диалогов, и в третьей главке Швейк едет в эшелоне на фронт.

Напечатали несколько глав, получаем много писем, звонят комиссары частей и кораблей, одобряют и просят печатать почаще. Начальство флотское тоже в основном одобрило, правда, зарезервировав себе путь для отступления, если почему-либо «наш Швейк» не понравится Москве. А Москва пока молчит, хотя мы напечатали уже шесть глав. Баковиков тоже волнуется.

Однажды прилег в кабинете отдохнуть и сквозь сон слышу: по радио передают что-то поразительно знакомое. Сон как рукой сняло. Вихрем врываются «рындачи» (журналисты, делавшие «Рынду») и с радостными возгласами: «Передают нашего Швейка!» усиливают звук приемника. Закончили передачу словами: «Мы передавали юмор из фронтовых газет...» «Новые похождения бравого солдата Швейка» передавали из газеты «Красный черноморец»...

«Рындачи» сияют, они срочно отыскивали Александра Васильевича Баковикова и поздравили его с удачей. После нас «Похождения Швейка» печатались и в некоторых других армейских газетах, но Баковиков первым начал это благое дело. Вскоре мы опубликовали «Похождения...» отдельной книжкой небольшого формата и разослали по флоту. «Похождения...» читали на вечерах краснофлотской художественной самодеятельности, нередко разыгрывая сценки в лицах. Среди краснофлотцев бытовали поговорки и пословицы из этой маленькой повести. Читатели были очень огорчены, когда мы закончили повествование. Один из краснофлотцев соединения торпедных катеров жаловался:

— Рано вы «сдали» Швейка в плен. Пусть бы он еще помытарился хотя бы месяца два-три. Очень у вас интересно получалось, мы с нетерпением ожидали очередные главки и всегда читали вслух...

Писатели и художники постоянно помогали полковому комиссару Н. В. Краснопольскому, руководившему пропагандой среди войск противника. Десятки листовок на немецком и румынском языках было выпущено отделом Краснопольского общим тиражом около 5 миллионов экземпляров. Листовки создавались тут же в редакционном полуподвале.

Вот сидит над столиком художник Леонид Соифертис. У него свой неповторимый стиль рисунка. Художник думает, как лучше донести до немецкого солдата мысль о лживости пропаганды ведомства Геббельса. Фигура этого обер-лжеца уже однажды запечатлена талантливым пером Бориса Ефимова и повторять ее вроде бы и незачем. Но Соифертис создает «своего» Геббельса, по-новому разрешая заданную тему. Рисунок готов, подходят художники Ф. Решетников и К. Дорохов. Короткое совещание, еще один штрих, и понесли рисунок «усачу» Краснопольскому.

После одобрения рисунка писатели составят короткий боевой текст листовки. Политрук Фира, инструктор отдела, переведет, наша типография отпечатает полсотни тысяч, упакует в пачки определенных размеров и через несколько часов самолеты разбросают листовку над позициями и тылами врага.

Однажды Ф. П. Решетников очень долго ломал голову над заданной темой, исчертил несколько листов блокнота, потом хлопнул себя по лбу, что-то начиркал и бежит ко мне.

— Во! Сразу дойдет до немца. Березовый крест, пробитая каска на нем и надпись. Хочется, чтобы она была покороче и позабористее.

Собираю писателей и предлагаю побыстрее помочь художнику. Общими силами составили текст: «Здесь покоится Ганс Фишер, посланный пройдохой Гитлером завоевать Россию».

— Не годится,— говорит Решетников,— очень длинно. На листовке получится совсем мелко, не разберут. Петр Гаврилов медленно выпускает трубочный дым и предлагает подпись разделить. На дощечке креста оста-

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ В КРЫМУ В ДНИ НАСТУПЛЕНИЯ НА СЕВАСТОПОЛЬ

Слева направо: П. А. Сангин (писатель, сотрудник «Красного черноморца»), Н. Б. Левинсон (начальник киногруппы Черноморского флота), четвертый — Я. Л. Берлинер (кинооператор Центральной студии кинохроники), А. Бродский (фотокорреспондент «Красного флота»), Ю. Зельвинский, Н. Добышев, Макаров (корреспонденты «Красного флота»)

Фотография А. С. Соколенко. Бахчисарай, апрель 1944 г.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

вить только звание и фамилию солдата, а все остальное изобразить на могиле, сделав ее повыше.

— Пожалуй, такой вариант подойдет, — соглашается Федор Павлович и «приподнимает» очертания могилы. Потом идет наверх к Краснопольскому. Оттуда возвращается вместе с «усачом». Оба довольны.

Писатели много помогали военкорам флота овладеть литературным мастерством, выступали на литературных кружках с разбором военковровских произведений, читали свои стихи и очерки на радиоузлах местного вещания. Но главное для них все же была флотская газета «Красный черноморец». Их очерки, корреспонденции, стихи печатались почти каждый день. Они же вели в газете и «Рынду». Для этого очень нужного и важного отдела особенно много сделали писатели и поэты Л. Лагин, Л. Длигач, Я. Сашин, П. Панченко, А. Луначарский. Юмор и сатира на войне тоже нужны, особенно при разоблачении врагов и их прихлебателей.

Как относились войны к печатному слову, можно продемонстрировать хотя бы на таком примере. Наш поэт Лев Длигач, над которым мы иногда подтрунивали, особенно во время бомбежек, написал стихотворение «Снаряд настигает хищную орду», посвященное воинам 35 береговой батареи. Газета со стихотворением пришла на батарею во время обеда. Комиссар Сунгурьян решил сразу же прочесть его, бойцы, как один, поднялись и, стоя, прекратив обед, выслушали стихотворение. Потом написали его крупными буквами на листе фанеры и вывесили в ленинском уголке.

При посещении авиагруппы на Херсонесском полуострове комиссар группы Александров говорил мне:

— Весь наш гарнизон любит и уважает ваших писателей и поэтов, работающих над авиационными темами. Особенно заслуживают похвалы Василий Ряховский, Игнат Ивич и Павел Панченко. Пусть почаще приезжают к нам.

Такие просьбы не раз я слышал от командиров бригад морской пехоты Вильшанского, Жидилова, Горпищенко, от командиров полков и батальонов. Отлично понимая силу печатного слова, они заботились, чтобы героизм их подчиненных был показан на страницах газеты.

Все писатели и художники входили в боевое расписание по воздушным тревогам и дежурили на крышах и чердаках зданий. Еще до осады города мы всех военнослужащих пропустили через краткосрочные курсы стрелкового дела и приняли зачеты по стрельбе из винтовки и пистолета. Некоторые успели метнуть по боевой гранате, но гранат не хватало на фронте и нам перестали их давать для учебных целей. С болванками же тренировались все. Бутылки с горючкой тоже бросали довольно далеко и точно.

30 октября комендант штаба флота пришел ко мне и, под большим секретом, сообщил, что, если начнутся уличные бои, на редакцию возлагается оборона улицы Ленина на протяжении двух кварталов. Я стал говорить, что многовато для нас, если учитывать скудные запасы нашего оружия. Комендант категорически потребовал сдать трофейный пулемет «Шкода», который наши корреспонденты привезли с Кинбурнской косы. Вместо пулемета обещал дать десятка два противотанковых гранат и всего бутылочек с самовозгорающейся жидкостью. Винтовок не обещал, пистолетов — тоже. Правда, пистолеты имели почти все, включая краснофлотцев и старшин типографии, а винтовок было, одна на троих.

Вместе с комендантом мы составили схему улицы и места огневых точек. Расписали по точкам людей, включая и вольнонаемных рабочих. Получилось неплохо. С обеих сторон улицы, из подездов и балконов домов мы могли не только простреливать многослойным огнем весь обороняемый участок, но и забрасывать бутылками и гранатами. Условились, что пока только получим дополнительное оружие, а людям сообщать о боевом расписании не будем, во избежание кривотолков. Пулемет комендант сразу же унес, а на гранаты и горючку дал только наряд. Когда я послал автомашину за боеприпасами, на складе отказали, сославшись на какую-то очередность. А потом дела пошли так, что не было смысла сообщать всем товарищам о их боевых постах.

В городе часто бывали перебои с подачей электроэнергии. Воздушную сеть разрушали снаряды и бомбы. Иногда энергии не было более суток. Как же быть? Газета должна выходить в любых условиях. И выходила. Набирали вручную при свете керосиновых ламп и свечей. Печатали на плоских машинах, колеса которых крутили вручную. Весь состав редакции и типографии был расписан на группы по четыре — шесть человек для «колесоверчения». Крутили по пять минут, потом отдыхали десять и снова становились к размахам машины. У каждого колеса работало три смены. Группы составляли с учетом физического состояния людей. Нельзя было сводить в одну группу физически слабых Гаврилова, Явича, Длигача и Ряховского. Их распределяли в такие группы, в которых были более крепкие ребята. И «братья-писатели» исправно крутили машины, задыхались от напряжения, но крутили: газета должна была выходить в срок и выходила. Фронт не мог быть без своей газеты.

Газета живо откликнулась на все события, помогала воинам осажденного города разить врага не только мужественно, но и умело. Обучение воинскому мастерству имело очень большое значение не только потому, что многим морякам пришлось сойти с кораблей и воевать на суше в совершенно незнакомых условиях. Надо было вдумчиво и внимательно

В ОСВОБОЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ

Фотография А. С. Соколенко, 9 мая 1944 г.

Собрание А. С. Соколенко, Ростов-на-Дону

обучать те пополнения, что прибывали в Севастополь, главным образом из Закавказья. Из номера в номер газета печатала материалы о том, как бороться с вражескими танками, самолетами, снайперами, рассказывала о действиях разведчиков, зенитчиков, показывала опыт передовых пулеметчиков и снайперов. Большинство статей, корреспонденций, памяток было написано выразительным и кратким языком. К ним тоже приложили свою руку писатели — труженики и воины, выполнявшие любую работу в газете. Многие передовые статьи были совершенно необычны по сравнению с нашими довоенными суховатыми передовыми. И тут чувствовалось авторство или правка писателей. Даже кратенькие подписи к снимкам во многих случаях делались руками писателей. А если взять заголовки, то даже сейчас, перелистывая пожелтевшие страницы газеты, чувствуешь манеру Лазаря Лагина, Семена Клебанова, Георгия Гайдовского, Яна Сашина, Сергея Бондарина, Игната Ивича или Августа Явича. Все они в меру своих сил и способностей помогали делать интересную газету.

В Севастополе работали также украинские писатели, прибывшие туда из Одессы вместе с Отдельной Приморской армией. Они тоже трудились в армейской газете «За Родину», в многотиражных газетах дивизий. Их работа по своим методам и формам ничем не отличалась от работы флотских прозаиков и поэтов. Произведения В. Кучера, Л. Давыдова, А. Трипольского, И. Гончаренко, О. Ждановича читались воинами-приморцами с таким же большим интересом, как и произведения писателей-москвичей, работавших в «Красном черноморце».

В новом Севастополе здание нашей редакции, сторевшее в мае 1942 г., снесено. На этом месте разбит небольшой скверик, что тянется вдоль улицы Ленина. А корпус типографии уцелел. В перестроенном виде сохранился

и наш редакционный полуподвал, где мы жили и делали боевую газету. Еще в ходе боев за город, 17 января 1942 г., газета «Правда» писала, что «Красный черноморец» «хорошо освещает боевой опыт, воспитывает у моряков высокие моральные и боевые качества, заслуженно пользуется большой популярностью среди защитников Севастополя...» Высокая оценка нашей скромной работы. Она завоевана трудом всего дружного коллектива, в который так быстро и органически вросли «братья-писатели», как мы тогда шутя называли прибывших к нам из Москвы литераторов. Большое и нужное патриотическое дело творили эти скромные люди, воспитывая воинов героического Севастополя. Их талант и труд вложены в боевую газету, которая получила заслуженную награду — орден «Красного Знамени». Не всем им довелось дожить до славных дней победы. Смертью храбрых пали Евгений Чернявский, Анатолий Луначарский, Владимир Апошанский... Их траурные портреты в редакционном музее «Флага Родины» (так теперь называется бывший «Красный черноморец») свидетельствуют о том, что писатели-журналисты были в первых рядах воинов Черноморского флота.

Редакция «Флага Родины» свято чтит память погибших журналистов. Редколлегия газеты установила переходящий приз имени Владимира Апошанского за отличную работу. Недавно в журнале «Советская печать» была помещена коротенькая заметка о том, что этот приз получил сын Апошанского Костя — молодой сотрудник отдела информации.